

Я влил в клинок большую часть своей чакры и побежал на него, до предела обостряя все чувства, ускоряя прохождение нервных сигналов чакрой и снимая предел с мышц открытием первых врат. Остаток своей силы я бросил в своё тело, взрывая чакру в себе. Самурай-шиноби что-то заметил, но явно не успевал. Блеск клинков ослепил на мгновение мой правый глаз. Шаринган просчитал движения самурая, который тоже влил много сил в свою атаку. Я чувствовал, как мышцы руки одна за другой медленно рвутся. Это было очень больно. Словно солью посыпали, а сверху огнём добавили, мгновенно зажаривая их. После боя буду орать от боли, потеряв сознание.

К моему удивлению его меч начал резать мой. Шаринган чётко видел, как его клинок с двух сторон стёсывается об разрезанные края моего клинка. Разрезав мой клинок, меч, истончившись в месте удара до тонкой пластинки, проткнул мне грудь, а моё лезвие взорвалось крупной дробью, которая из-за огромной скорости движения лезвия полетела в сторону самурая, не касаясь меня по причине того, что центр взрыва отдалялся от меня со скоростью полёта осколков взрыва и высвобождая просто невероятное количество чакры, осколками разрывая на части самурая и превращая его доспех в решето из неровных дыр. Слишком много чакры было в осколках, чтобы доспех смог от них спасти.

Самый большой осколок, являвшийся кончиком клинка, пролетел сквозь самурая, испуская из себя поток чакры. Пусть мой клинок и имел огромное количество чакры, но оно было сосредоточено по всему объёму клинка. Самурай же укреплял только поверхность, точнее кромку лезвия, накачав туда чакру плотней, чем плотность чакры в моём клинке.

— Гха! — закашлялся самурай, отшатываясь и падая на спину.

Он разрезал мне печень и пищевод, а также пробил диафрагму и разрубил рёбра, слегка задев сердце. Не стоит вынимать клинок сразу, если я хочу жить. Надо срочно вылечить себя, медленно вынимая клинок из раны, пока из меня не вытекло слишком много крови. Надо продержаться совсем немного, а после помочь Анко с Куренай.

Чакры, чтобы залечить полностью раны, не хватило. Мне пришлось сжигать запасы и выцарапывать капли жизненной силы со всего организма, а сам организм погружать в кому. Я ошибся в оценке своих повреждений.

Я почувствовал нарастающий страх и ужас со стороны души Ино. Она боится умереть в отличие от меня. Дура, не того надо ужасаться. Не смерти. Смерти достаточно бояться, это естественно, но никак не трепетать перед ней в ужасе.

Где мне наскрести ещё чакру? В битве я использовал всю, даже свою. У самурая тоже должна оставаться чакра, пусть он и умирает. Надо до него доползти.

Я медленно встал, сделал шаг и свалился поверх самурая. Прислонив руку к разорванному доспеху, где проглядывала кожа, я начал тянуть из него остатки жизненных сил. Но их тоже не хватило, чтобы полностью залечить рану. Лишь исцелить самое важное. С трудом встав, я призвал чашку горячего рамена и принялся есть, захлёбываясь от боли. Рука, которой я

ударил, болела всё сильнее и сильнее, пока я не увидел тёмные пятна перед глазами.

Больше еды не было. Во время миссии я успел её потратить всю, опасаясь использовать костёр для приготовления или заходить в рестораны, где могли в еду подсыпать яд, убив нашего клиента. Где-то здесь, неподалёку, должна быть деревня, где можно будет купить еды и восстановиться, после чего нагнать Анко с Куренай и помочь им. Маловероятно, что сообщники самурая атакуют сразу, после того, как самурай расправился бы со мной. Я их не чувствовал в зоне своей чувствительности, а это огромное расстояние, которое не так-то просто преодолеть за короткое время.

— Вот же самка собаки, я не чувствовал тогда и деревни! — неожиданно я вспомнил для себя.

Стоять! А это не та деревенька, что была уничтожена Ичиро во время моих экспериментов над ним? Какая жалость. Деревня, которую я уничтожил в прошлом, нужна мне сейчас, в будущем. Словить что-то в таком состоянии мне не суждено, а есть траву и ветви деревьев с листьями, бесполезно, поскольку не восстановят мне достаточно быстро мои силы. Почему я в прошлом не задумался о таком вероятном исходе в будущем? Я был слишком высокомерен. К тому же, желание силы опьянило мой разум.

— Похоже, я впервые в этой жизни провалила миссию.

Отрешённость навалилась на меня. Я лёг на спину, глядя в небо. Из меня словно вынули стержень. Я сдулся словно шарик, быстро и неумолимо, а слабые огоньки моих эмоций совсем исчезли. Грустно мне или нет? Не знаю. Что я сейчас вообще чувствую? Сожаление? Обиду? Ничего.

Единственное, что я ощущал, это раздражение и досаду. Мне хотелось просто взять и избить до полусмерти самого себя из прошлого. Избить за невероятную глупость. Протоптаться по своей же гордости, уверенности в своей силе, избить до полусмерти, за показную безнаказанность. После чего медленно сжечь на костре. Ненавижу.

Мангекё Шаринган активировался, отозвавшись на мои эмоции. Бесполезная штука. Только и может, что затуманивать мой разум своей силой, а также резонировать с остатками моих эмоций. Способен видеть сквозь иллюзии? К сожалению, только чужие иллюзии, основанные на чакре, но никак не свои.

О чём я думал тогда, когда уничтожал ту деревню? За время работы в Корне АНБУ я нахватался много всякого мусора, что затуманило мой разум. Сам того не замечая, я скатывался на дно своего существования.

Пора сбить с себя спесь и посмотреть на себя с другой стороны. Я медленно сходил с ума от того количества сил, что имею. Я медленно сходил с ума от безнаказанности за свои поступки. Появившись в этом мире, где любой может иметь силу, чтобы противостоять другим, я потерял все тормоза, забыв всё то, что имел в родном мире. Если бы так и продолжилось бы, то я мог

вообще забыться, даже не вспоминая о той, ради которой я явился в этот мир. То, что меня поглотило, весьма страшная вещь. Не думал, что тьма так сильна.

Тьма, о которой говорил бог моего мира, тьма души этого мира, влияние которого я не замечал ранее, чуть не поглотила меня. Но не думаю, что только она виновата. Надо не забывать, что виноват также и я. Надо признавать свои ошибки.

— Ну признал я, что сглупил, и что мне делать дальше? — спросил я небо.

Остаётся только исправлять свои ошибки, а также не допускать их в будущем. Но не всё, что я сделал так просто исправить. Ту уничтоженную деревню уже не восстановить. Мне остаётся сделать только одно, нечто столь важно в моём положении, когда я не понимаю, что делать.

— Надо поспать.

Я слишком сильно истощил свои силы. Это единственное, что приходит мне на ум. Пусть одной тарелки и недостаточно для восстановления, пусть спать в моём положении опрометчиво и даже опасно, но это единственное, что я могу сделать.

Заснуть я не смог. Стоило мне только закрыть глаза, как меня начали тормошить и плакать надо мной, рыдая. Ненавижу.

— Не закрывай глаза! — Куренай прижала меня к себе. — Держись!

— Куренай, это ты? — спросил я.

Меня сжали, плача навзрыд. Почему они ослушались приказа? Почему они вернулись? Скорее всего это Анко. Она узнала о смерти моего противника и решила вернуться.

— Ты хочешь её убить? — спросила Анко. — Оставь её в покое, я пошутила.

— И надо реветь из-за этой малявки? Будто она будет благодарна вам за то, что вы ослушались приказа, — произнёс Рен.

— Значит вы всё же ослушались приказа, — произнёс я.

Приятно, биджу бы их всех побрал! Не ослушайся они приказа, я бы оказался здесь лежать спящим в большой опасности. А так, я под их охраной.

<http://tl.rulate.ru/book/48695/1586889>